

*Людмила Петровна Фукс-Шаманская
Бамбергский университет имени Отто-Фридриха, Бамберг*

**«VON DER PARTHEYEN GUNST UND HASS VERWIRRT, /
SCHWANKT SEIN CHARAKTERBILD IN DER GESCHICHTE»:
ЛИЧНОСТЬ ШИЛЛЕРА В НЕМЕЦКОЙ РЕЦЕПЦИИ**

Аннотация. В статье предпринимается попытка осмыслить динамику рецепции личности Фридриха Шиллера в Германии в социально-политическом контексте. На примерах празднования юбилеев поэта рассматриваются изменения в восприятии Шиллера немецким бюргерством от периода его раннего творчества (рецепция драмы «Разбойники») до сегодняшнего дня (исследование останков поэта и отрицание значения классического наследия). Исследуется возникновение таких феноменов, как мифологизация, аппликация, тривиализация, инструментализация, монументализация, деисторизация творчества и личности немецкого классика.

Ключевые слова: Фридрих Шиллер, рецепция личности, мифологизация, аппликация, тривиализация, инструментализация, монументализация, деисторизация творчества и личности.

Abstract. This article deals with attempts to comprehend the dynamics of Friedrich Schiller's personality reception in Germany in a socio-political context. By the examples of celebrating the poet's anniversaries, the changes in the perception of Schiller by the German burghers from the period of his early work (reception of the drama "The Robbers") to the present day (the study of the poet's remains and the denial of the significance of the classical heritage) are explored. The origination of such phenomena as application, trivialization, instrumentalization, monumentalization, de-historization of creativity and personality of the German classic is investigated.

Keywords: Friedrich Schiller, personality reception, mythologization, application, trivialization, instrumentalization, monumentalization, de-historization of creativity and personality.

Мой земляк, пермский поэт Николай Кинёв в одном из своих стихотворений написал: «Человек, умирая, полностью / Переходит во власть живых» [1, с. 201]. Власть живых над ушедшими – сколь она может быть благородна, столь же опасно злоупотребить этой властью. И речь здесь в первую очередь об ответственности живых перед мертвыми. Но одно дело, когда мы говорим об обычном

человеке, – тут ответственность ложится на семью, друзей, коллег. И совсем другое дело, когда речь идет о социально, культурно, национально значимых личностях. В этом случае пренебрежение этой ответственностью имеет совсем другое измерение. Сегодня мне хотелось бы показать судьбу личности Фридриха Шиллера в Германии. Я не буду говорить о его литературном значении. Скорее в этом контексте интересно восприятие Шиллера в самых широких бюргерских кругах Германии на протяжении двух веков после его смерти. А так как два века – это все-таки довольно большой отрезок времени, то я остановлюсь лишь на некоторых общественно значимых моментах – празднованиях юбилеев Шиллера в 1855–1859, 1905–1909, 1955–1959 и 2005–2009 годах.

Альфред Керр на праздновании 150-летия со дня рождения Фридриха Шиллера сказал: «Наступает время, когда кто-то перестает быть писателем и становится мифом» [2, S. 241]. Это высказывание справедливо по отношению к Шиллеру более, чем к кому-либо иному. Однако по отношению к Шиллеру я бы добавила, что с течением времени он стал в Германии не просто мифом, а социально-политическим мифом. Изучение рецепции Шиллера в Германии не может рассматриваться вне контекста политической и социальной историей этой страны. Именно такой подход позволит понять, как воспринимали его в различные эпохи и почему.

Шиллер-миф начал формироваться еще при жизни поэта. Через несколько дней после выхода в свет публикации пьесы «Разбойники» летом 1781 года в газете «Erfurtische Gelehrte Zeitung» появилась статья Христиана Фридриха Тимме (*Christian Friedrich Timme*) «Die Räuber. Ein Schauspiel. 1781», в которой он писал: «Если мы ожидали немецкого Шекспира, то вот он...» [3]. Через полгода, в январе 1782 года, состоялась премьера спектакля «Разбойники» в театре города Маннгейм и затем во многих других городах Германии. Пьеса имела феерический успех, а никому не известный автор в течение короткого времени стал объектом культа молодежи. Пьеса имела настолько сильное воздействие на публику, что вскоре по Германии прошла волна выступлений студенческих разбойничьих банд. Как писала лейпцигская газета «Magazin der Philosophie und schönen Literatur» в 1785 году: «С некоторых пор в *Баварии* и *Швабии* собираются опасные полчища молодежи, и хотят ... через убийства и *подстрекательства к убийствам* сделать себе имя, или же поддаются большому желанию стать *разбойниками и поджигателями убийств*. И какой повод мог привести в заблуждение этих несчастных людей с *воспаленным воображением* и придать столь высокий градус их необузданности ...? – «Они хотели бы реализовать *шиллеровских Разбойников*» [4]. При этом образ автора сливался с образом его героя. Этому способствовало не только то, что автор был мало известен, но и события биографии Шиллера. Например, когда состоялась премьера пьесы в Маннгейме, Шиллер был в бегах, скрывался от шпионов герцога Вюртембергского, который непременно хотел вернуть

непокорного поэта в Штуттгарт. Это, естественно, добавляло таинственный флер в образ автора разбойничьей пьесы, а автор представлялся читателям, особенно молодым людям, борцом с социальной несправедливостью.

Другая сторона раннего этапа восприятия Шиллера в Германии закладывалась в 1790-е годы и связана с особенностями стиля поэта. Уникальная способность автора создавать лаконичные и доходчивые сентенции способствовала аппликации его произведений – легкому вычленению отдельных цитат из текстов и использованию их в самых разных, не связанных с произведением обстоятельствах. Позже, в 1811 году Brentano возмущался филистерами за их обращение с текстами Шиллера: «Они давятся, не пережевывая, всякой вещью из чванства; и чем больше они раскрошат их автора, чем сильнее откушенное душит их, тем больше наслаждение, поэтому они особенно любят божественного Шиллера, потому что они в состоянии раскрошить и проглотить стиль его рефлектирующих сентенций» [5, S. 109]. Мелкий бюргер, получивший в свое пользование выдернутые из текстов сентенции в виде календарей или цитатников мог пользоваться ими в обычных банальных жизненных ситуациях (в письмах, в дневниках), отчего они получали блеск возвышенного, освящались именем великого поэта. Так, по мнению немецкой исследовательницы творчества Шиллера Уты Герхард, формировалась своеобразная субъективная связь автора и читателя, но в то же время происходила тривиализация произведения и разрушались единство, целостность и глубокий смысл текста. Тривиализации способствовали также декламационные вечера – одно из любимейших занятий мелкого бюргерства, на которых чтецы и слушатели не столько наслаждались искусством, сколько пытались получить возвышенное подтверждение собственной мелкобуржуазной философии, что можно рассматривать как «одну из важных форм официальной ... реализации бюргерско-семейной эмоциональности и субъективности» [6, S. 762]. Такое присвоение бюргерскими массами текстов Шиллера, их актуализация в повседневной жизни без всякой оглядки на целое текста также способствовало его оценке как «народного поэта».

Новость о смерти Шиллера распространилась в Германии очень быстро и буквально потрясла общественность. Даже писатели, которые не были ему близки или те, с которыми он имел проблематичные отношения, оказывались, как, например, Фихте, «глубоко потрясены смертью нашего дорогого Шиллера» [7, S. 291]. В течение короткого времени Шиллер становится самым любимым немецким поэтом. Его почитание настолько ширилось и разрасталось, что превращалось в почти религиозное поклонение, его имя становилось проекцией национальной идентичности, в его личности и произведениях искали компенсации политической слабости немецкого бюргерства. Образ поэта возносился мраморной статуей сверхчеловеческого величия, за которым он сам должен был просто исчезнуть. Даже те, кто, казалось бы, должны были его лучше знать, так

как жили в близком ему окружении, также содействовали этому. Иоганн Генрих Фосс (*Johann Heinrich Voß*), который во время последней болезни проводил с Шиллером много времени, теперь стремился сохранить «верные и святыя воспоминания» [8, S. 293] (курсив мой – Л.Ф.-Ш.), а свояченица поэта Каролина фон Вольцоген вскоре написала первую и весьма идеализированную биографию Шиллера. Гёте тоже возвел ему своеобразный поэтический памятник в «Эпилоге к Колоколу Шиллера», где провозгласил формулу, на долгие десятилетия определившую эмоциональное отношение немцев к Шиллеру: «Denn er war unser» – «ведь он был наш».

Таким образом посмертная слава Шиллера возникла и распространилась очень быстро и получила такие размеры, которые уверенно можно обозначить как единственные в своем роде. Специфика ранней рецепции Шиллера (апликация, изолированная декламация и тривиализация) стала основой для становления в середине XIX века культурно-исторического (знаменосец бюргерства) Шиллер-мифа.

«Von der Partheyen Gunst und Haß verwirrt, / Schwankt sein Charakterbild in der Geschichte“ – («Опутанный приятнью и враждой / В истории проходит этот образ»). Так Шиллер писал о Валленштейне в прологе к драме, но эти слова вполне можно отнести к самому автору. Со дня празднования столетнего юбилея Шиллера в 1859 году начинается интенсивная инструментализация его произведений и образа – то есть Шиллер-миф, интерпретированный в том или ином ключе, становится аргументом в политических столкновениях различных социальных групп.

Если в годы после смерти Шиллера апликация и тривиализация его произведений и личности на выходили за рамки субъективной бюргерской эмоциональности, то события мартовской революции 1848 года и последующего разгрома перевели рецепцию Шиллера в принципиально иной контекст.

1859 год, празднование 100-летия со дня рождения, стал наивысшей точкой национального восхищения Шиллером, которое пронизывало все классы немецкого общества. Это был самый большой праздник, который когда-либо посвящался поэту. На протяжении трех дней вся Германия праздновала этот юбилей: по улицам городов проходили грандиозные шествия, ставились пьесы Шиллера, читались доклады, произносились праздничные речи, открывались памятники, площади и улицы назывались его именем, его статуи короновались лавровыми и дубовыми ветвями и черно-красно-желтыми флагами. Это грандиозное массовое действо возводило Шиллера на трон как «национально-политического и революционного вождя и мессию» [9, S. 597].

После неудавшейся революции 1848/1849 годов и запрета на собрания общественный праздник становился своеобразным суррогатом отсутствующей политической свободы собраний. Благодаря вновь возродившимся надеждам

на новую эру прусской политики празднование 100-летия Шиллера стало основным движущим элементом национального устремления немцев создать единое немецкое государство. Интерпретированное в таком ключе творчество Шиллера показало, за какие национальные цели выступает общество несмотря на то, что вопросы территориального объединения Германии для самого Шиллера в его время были второстепенными. «Нацией стать – понапрасну надеетесь глупые немцы. Начали вы не с того – станьте сначала людьми». Так звучит Ксения «Немецкий характер», написанная Шиллером и Гёте в 1797 году. Но немцы, кажется, не услышали этого обращения к ним классиков. Так, газета «*Illustrierte Zeitung*» писала 12 ноября 1859 года: «*Der Name Schiller ist das Symbol, das Wort für die deutsche Einheit*» («Имя Шиллера – это символ, слово в пользу немецкого единства») [цит. по 10, S. 424]. Растущее со времен революции 1848/49 годов немецкое национальное сознание нашло в 1859 году в Шиллере своего национального поэта. При этом, так как память о поэте и его произведениях была уже до юбилея присвоены конкурирующими общественными группами, произведения Шиллера использовались в качестве аргумента (инструмента) для подтверждения их представлений и в каждом случае по-своему интерпретировались для достижения собственных целей. Присвоению Шиллера революционными движениями способствовала также Гётевская формула «Ведь он был наш». Она превратилась в общий лозунг и была слышна в самых разных социально-политических группах.

Таким образом, юбилейные торжества по случаю 100-летия со дня рождения Шиллера в силу общего социально-политического стремления к объединению немецких народов способствовали инструментализации творчества и личности поэта. При этом, в характере этих празднований не было критической рецепции ни того ни другого.

1905 год – новый юбилей, столетие со дня смерти Шиллера – был лишь слабым отблеском событий 1859 года: это было уже не столь грандиозное мероприятие, а образование Германской империи в 1871 году создало новый социально-политический контекст. Если в год столетия Шиллера перед немцами стояла проблема внутривнутриполитическая – объединение Германии, то теперь на первый план вышла проблема внешнеполитическая – немцы задавались вопросом о том, чем немецкая нация отличается от других народов и, может быть, даже – в чем она превосходит иные народы. На этом фоне, с одной стороны, происходит некоторое отдаление народа Рейха от Шиллера и его произведений: на первый план выходили современные писатели, такие как Золя, Ибсен, Томас и Генрих Манн, которые стремились в своих произведениях к реалистическому или натуралистическому изображению жизни. В этом смысле герои Шиллера с их идеалистическим пафосом явно не выдерживали конкуренции с героями Гауптманна и Ибсена. С другой стороны, именно в идеализме Шиллера находили предпосылки для успешной

позиции немцев в мировой политике. Так, Герман Конради вопрошал: «... как должны были бы мы без идеализма Шиллера утвердить за собой первое место, которое мы занимаем среди народов?» [цит. по: 11, S. 88]. Постепенно вместо понятия «единая немецкая нация», стоящего в центре внимания в год столетия со дня рождения Шиллера, ведущим становится понятие «немецкий дух».

Не случайно, по-видимому, в 1902 году обнаруживается и получает широкое распространение неизвестное незаконченное стихотворение Шиллера, якобы написанное им в 1797 или 1801 году и названное издателем «Немецкое величие». В этом стихотворении (в котором многие исследователи признают удачную мистификацию) Шиллер определяет немецкое величие как величие моральное, которое проявляется в культуре и характере немцев. При этом другие произведения Шиллера почти выпадают из внимания празднества, а акцент в рецепции перемещается с его произведений на личность. Символичным в этом контексте становится стихотворение Вильгельма Буша, написанное к этому юбилею:

Früh starb er. Seine kargen Zeitgenossen,
Sie hatte ihn, den Kranken, schlecht gepflegt.
Doch was in ihm, dem tiefsten Grund entsprossen,
Zum Lichte strebend, mächtig sich geregt,
Er hat's in Formen höchsten Kunst gegossen
Und seinem Volke dauern eingeprägt.
So schreitet nun, gesegnet und bewundert,
Sein Genius von Jahrhundert zu Jahrhundert [12, S. 480]

Он рано умер. Современники нимало
Заботиться о нем не постарались.
Но то, что в сердце пламенном сияло,
Стремилось к свету, мощно пробуждалось,
В форме великого искусства изумляло
Его народ и душу возвышало.
Так и шагает, приводящий в восхищенье
Из века в век его великий гений (перевод мой. – Л. Ф.-Ш.)

Буш воплотил в стихотворении общенациональный тип прочтения Шиллера – поэта, который, преодолевая телесную слабость, силой духа запечатлел свое искусство для своего народа. В этом же ключе написан рассказ Томаса Манна «Трудный час»: Манн придает своему герою черты мессии, страстотерпца. Его образ возносится в метафизические высоты, монументализируется и рассматривается вне контекста истории, как символ внеисторических вечных ценностей.

В то же время продолжается инструментализация творчества Шиллера. Теперь не только образованное бюргерство, но и социал-демократы разных мастей, а также и окончательно сформировавшееся рабочее и коминтерновское движение ищут в Шиллере если не своего предтечу, то пример для подражания. Еженедельная

газета «Европа» писала в эти дни: «Это хорошо, что Шиллер мертв. (...) Кто только не празднует Шиллера?... Каждое направление, каждая партия, каждое звание, каждое течение, каждый открывает для себя Шиллера как предшественника, пример и попутчика своих устремлений и интересов – и вот все его празднуют» [цит. по: 13, XXV]

Таким образом, накануне первой мировой войны на фоне растущих политических амбиций Германского рейха и формирования идеи особой мессианской роли немецкой нации наряду с продолжающейся инструментализацией творчества Шиллера акцент в его рецепции переносится с произведений на личность, которая монументализируется и деисторизируется.

Акцент на личность Шиллера породил особый интерес к его жизни, болезни и смерти. Тем более, что биография поэта полна не до конца проясненных моментов.

В 1910 году появляется рассказ Эрнста Хельвига (*Ernst Hellwig*) «Кончина Шиллера», в котором в качестве убийцы (отравителя) Шиллера выставлен Генрих Фосс (*Heinrich Voß*), вскрытие тела Шиллера было, якобы, подложным, а его труп анонимно спрятан в общей могиле [14]. В 1913 году появляется работа анатома Августа фон Фрорипа (*August von Froriep*) «Череп Фридриха Шиллер и место его захоронения» [15], где он представил более ранние исследования могилы Шиллера и собственные работы в Кассенгевельбе (общей могиле, где был похоронен Шиллер). Загадочная смерть Шиллера и поспешные тайные похороны притягивали внимание публики. Наконец в 1928 году выходит статья Матильды Людендорфф (*Mathilde von Ludendorff*) «Неотмщенные преступления против Лютера, Лессинга, Моцарта и Шиллера» (*Der ungesühnte Frevel an Luther, Lessing, Mozart und Schiller*), позже переизданная как книга и выдержавшая не одно издание [16]. В ней автор объявляет Шиллера жертвой масонов и «их незримых отцов» (подразумеваются иезуиты и евреи). Именно на их совести, по мнению Людендорфф, отравление Шиллера, а Гёте, как член масонской ложи, якобы знал о задуманном преступлении, но не предупредил друга. Книга спровоцировала невиданный скандал. Общество Гёте поручило Максу Хекеру (*Max Hecker*) изучить материалы, связанные со смертью Шиллера и противопоставить сочинению Людендорфф истинную версию произошедшего. Исследование Хекера выходит в лейпцигском издательстве «Insel» [17]. Книга Людендорфф была настолько скандальной, что даже министр народного просвещения и пропаганды Йозеф Геббельс (он имел титул доктора филологии) был возмущен ею. В 1936 году, несмотря на дружеские отношения с Гитлером покойного мужа Матильды генерала Людендорфа, книга была запрещена и изъята из оборота. А чтобы полностью замаять скандал, исследование Хекера запретили тоже.

В среде нацистов отношения с творчеством Шиллера также складывались непросто. В начале 1930-х годов в преддверии 175-летнего юбилея Шиллера в нацистской Германии было издано немалое количество статей и книг, в которых творчество поэта интерпретировалось в духе национал-социализма. В первую очередь их привлекла шиллеровская концепция эстетического воспитания, интерпретированная как возможность достигнуть революционных целей ненасильственным путем. Подразделяя революции на «плохие», т. е. кровавые (французская революция 1789 и русская – 1917 года), и «хорошие» – мирные (нацистский переворот 1933 года), нацистские идеологи провозглашали Шиллера не только прародителем их «мирной» революции, но и «боевым соратником Гитлера» – под таким названием вышла книга Ганса Фабрициуса [18]. Однако сами пьесы Шиллера противостояли таким нацистским интерпретациям. В июне 1941 года в рейхсканцелярию фюрера поступило письмо от Мартина Бормана, в котором говорилось о том, что фюрер хотел бы, чтобы пьеса Шиллера «Вильгельм Телль» больше не ставилась в немецких театрах и не преподавалась в школах. Причины такого отношения к пьесе, которая с первых лет нацистского переворота была наиболее часто исполняемой в немецких театрах, не объяснялась. Исследователь восприятия творчества Шиллера в нацистской Германии Георг Руппельт считает, что одной из причин такого запрета был широко используемый Шиллером во всех драмах мотив убийства тирана, но только в этой пьесе было представлено убедительное моральное оправдание такого убийства. [см. 18, S. 40–45]. «Убийцам пользы нет от преступленья, / Но мы рукою чистою сорвем / Злодейства плод благой», – заявляет Штауффахер в предпоследней сцене.

Гитлер, страшно боявшийся покушений на свою жизнь, после неудавшейся попытки швейцарца Мориса Баво застрелить его, посчитал, что другие поклонники творчества Шиллера могут понять слова героя пьесы как руководство к действию. Таким образом пьеса автора, который был убежденным противником насилия в политике, который преподносился нацистскими идеологами как «Kampfgenosse Hitlers» и провозвестник и едва ли не идеолог «мирной» немецкой революции, оказалась вдруг страшной угрозой одному из величайших преступников двадцатого века.

Таким образом, восприятие личности Шиллера в период власти националистов наряду с продолжающейся инструментализацией (теперь в духе нацистской идеологии) претерпевает значительные изменения: снижается интерес к творчеству поэта и возрастает внимание к его биографии, обстоятельствам смерти и нахождению его останков. Рождаются гипотезы в духе «теорий заговоров» об отравлении Шиллера.

С разделением Германии в 1949 году на два государства, которые интегрировались в два принципиально разных политических блока, разделились также и представления о Фридрихе Шиллера. Особенно заметно это было в празднованиях 150-летия со дня смерти и 200-летия со дня рождения поэта.

В ФРГ проводили праздник только на региональном уровне. Основные мероприятия проходили в Марбахе на Неккаре, Штуттгарте и Людвигсбурге. Образ Шиллера, который был создан на этих празднествах, включал в себя новые черты. Шиллер был представлен как артист со «склонностью в поздних произведениях к искусству ради искусства» [19, S. 43], воспевающий личную свободу индивидуума, который реализуется только в «чистоте смерти» [20, S. 26], а не в системе общественного порядка, драматург «спорности и двуликости человеческого бытия и особенно политического действия» [цит. по: 21, S. 403], и скептический аналитик «антиномий человеческого общества» [цит. по: 20, S. 40], возвышение которого возможно только через эстетическое воспитание. Однако основной пафос выступающих был направлен не на самого поэта, а на неприятие шиллеровского праздника в ГДР. Причем ни одно из выступлений не было направлено непосредственно на рецепцию Шиллера в ГДР, высказывались в первую очередь против политических претензий восточных немцев на Шиллера и его оценку в ГДР. В своей речи президент ФРГ Теодор Хойс выступал как «моральный суверен», который смотрит на Восток как «на нечто неприличное» [22, S. 27].

Не менее критично выступали представители ГДР, которые организовали широкое празднование памятной даты. Директивой СЕПГ были определены основные черты в образе Шиллера, которые считались особенно важными для социалистического государства: «В год Шиллера 1955 наш народ и особенно наша молодежь будет с еще более глубоким доверием посвящать демократическому патриотизму свои прогрессивные мысли, которые живы в произведениях Шиллера. (...) Его поэтические произведения вдохновляют сегодня всех немецких патриотов к борьбе за преодоление разделения и за новое воссоединение нашего Отечества на демократической основе» [23, S. 219]. Рабочий класс рассматривался как истинный наследник благородных идей поэта и только он, ведомый социалистической единой партией Германии, способен воплотить в жизнь патриотические и гуманистические идеи поэта. «Dass der Sieg unser ist – wo ein Genius wie Schiller unser ist» («Потому что победа наша там, где есть такой гений, как наш Шиллер») [24, S. 43]. Так идею «Шиллер наш» рекламировал министр культуры Иоханнес Р. Бехер, он использовал и переделал цитату из стихотворения Гёте и рассматривал Шиллера как народное достояние ГДР, при этом бросал упрек господствующим классам ФРГ в том, что они предали классические идеалы.

Важную роль сыграл на этом празднике Томас Манн, который, пожалуй, единственный попытался использовать этот общий для всех немцев праздник для примирения. Он принял участие в празднованиях обеих Германий, выступил с одним и тем же докладом, в котором он выдвинул на первый план язык Шиллера и его рецепцию в Германии XIX века.

Таким образом, личность Шиллера искажалась в обеих Германиях. Хотя оба празднества провозглашали Шиллера как поэта национального единства, но над всем этим витала агрессия и риторика холодной войны. Ни одни ни другие не захотели или не смогли пойти на сотрудничество, чтобы к истории рецепции Шиллера в Германии подойти продуктивно и критически. В ГДР Шиллера актуализировали и инструментализировали для собственных партийных целей. В ФРГ, напротив, поселили образ Шиллера во вневременной экзистенциальный философский и эстетический мир и говорили о свободе буржуазной демократии и несвободе партийной диктатуры в ГДР.

В 2005 году Норберт Оллер (*Norbert Oeller*) писал: «После того, как в 1959 году к 200-летию юбилею еще раз в Восточной и Западной Германии Шиллеру был громкогласно присвоен титул национального поэта и повсюду были отданы почести как классику, его признание заметно снизилось – на западе больше, чем на востоке – вплоть до того, что в 70-е и 80-е годы оно достигло своего самого низкого уровня: поэт мог считаться исчезнувшим из нашей памяти. На сцене он еще был популярен, в большинстве своем пародиями на его пьесы, которые были для режиссеров всего лишь поводом показать себя» [25, S. 7]. В последние годы ситуация немного изменилась, но это касается в первую очередь литературоведения и истории литературы. Литературоведческих исследований в последние годы было немало, особенно в связи с 250-летием поэта. Что же касается массового читателя, то странным образом на рубеже XX и XXI веков неожиданно возродился интерес к скандальной гипотезе Матильды Людендорф. Вновь печатаются репринтные издания ее книг, а также исследования Хекера. Но, пожалуй, самой нашумевшей была вновь переизданная книга 1968 года Хеннинга Фикенчера «Об убийстве Фридриха Шиллера. Сегодняшнее состояние исследований об останках Фридриха Шиллера и причинах его смерти» [26]. Врач-патологоанатом и криминалист подошел к этому исследованию профессионально, как к решению детективной задачи, поэтому, несмотря на большой медицинский материал, книга читается как криминальный роман. В то же время появилось множество художественных произведений, которые развивают те или иные положения книги Людендорф [27]. Масла в огонь подлила история с изучением хранящихся в Веймаре останков Шиллера. В преддверии 250-летнего юбилея Шиллера по заданию средненемецкого телевидения и при поддержке фонда немецкой классики была проведена ДНК-экспертиза останков поэта. Экспертиза установила, что останки не принадлежат Шиллеру. Появилась еще одна загадка, связанная с судьбой поэта. Все это интересует массового читателя постольку, поскольку носит детективный характер. Сам Шиллер, его мировоззрение, философия, эстетика – давно уже канули для немцев в историю. Появились голоса, призывающие изгнать Шиллера из школ, так как все классики стали якобы абсолютно неактуальны [28]. Отрицателям классики попытался ответить немецкий философ и критик Хайнц Фридрих.

Он ставит в своей книге о современности и современниках вопрос: «Ist Schiller noch unser?» (Шиллер еще наш?) [29, S. 259]. Автор пишет о том, что Шиллер важен для современных немцев тем, что учит ответственности за свою страну, нацию. Сможет ли нация, получившая после смерти поэта в свою власть образ личности-символа немецкого национального единства и величия немецкого духа и за двести лет превратившая этот символ в персонаж теорий заговоров и криминальных исследований, вернуться к высоким шиллеровским идеалам? Хотелось бы верить, что сможет.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кинёв, Н. Г. «Грани»: Книга стихотворений / Н. Г. Кинев. – Пермь: Издатель Максарова И. Н., 2007. – 224 с.
2. Schiller – Zeitgenosse aller Epochen. Dokumente zur Wirkungsgeschichte Schillers in Deutschland; hrsg. von N. Oellers: In 2 Bd. – Bd. 1: 1860–1966. –München: C. H. Beck, 1976. – 632 S.
3. Timme, C. F. Die Räuber. Ein Schauspiel / C. F. Timme. // Erfurtische Gelehrte Zeitung. – 35. Stück. – 1781. – S. 273–279.
4. Magazin der Philosophie und schönen Literatur. – 2 Heft. – Leipzig. – 1785.
5. Brentano, C. Der Philister vor, in und nach Geschichte / C. Brentano. Werke. – Bd. 2. – München, 1980. – S. 1209.
6. Gerhard, U. Schiller im 19. Jahrhundert / U. Gerhard // Schiller-Handbuch; hrsg. von Helmut Koopmann. – Stuttgart: Alfred Kröner Verlag, 1998. – S. 762–932.
7. Brief von Fichte an Wilhelm von Wolzogen vom 1.6.1805. / Schillers Persönlichkeit. Urtheile der Zeitgenossen und Dokumente gesammelt von Max Hecker (1. Theil) und Julius Petersen (2. Und 3. Theil). – Weimar. 1904, 1908, 1909.
8. Brief von J.H.Voß an Wilhelm Voß, Abeken, Dethlefsen und Solger vom 22.5.1805. / Schillers Persönlichkeit. Urtheile der Zeitgenossen und Dokumente gesammelt von Max Hecker (1. Theil) und Julius Petersen (2. Und 3. Theil). Weimar. 1904, 1908, 1909.
9. Noltenius, R. Zur Sozialpsychologie der Rezeption der Literatur. Schiller 1859 in Deutschland: der Dichter als Führer und Heiland / R. Noltenius // Psyche 39, 1985. – S. 595–601.
10. Cleve, I. Der Goethe-Pakt. Das Goethejubiläum und die Formierung der Kulturöffentlichkeit im Staatsgründungsprozess der DDR 1949 / I. Cleve // Archiv für Sozialgeschichte 39, 1999. – S. 420–429.)
11. Becker, E. D. Schiller in Deutschland 1781–1970 / E. D. Becker // Materialien zur Schillerrezeption. – Frankfurt (Main): M. Diesterweg, 1972. – 150 S.
12. Busch, W. Schiller – Zeitgenosse aller Epochen. Dokumente zur Wirkungsgeschichte Schillers in Deutschland: In 2 Bd. / W. Busch. – München: C.H. Beck, 1976. – Bd.1. – 237 S.
13. Hagen, W. Die Schillerverehrung in der Sozialdemokratie. Zur ideologischen Formation proletarischer Kulturpolitik vor 1914 / W. Hagen. – Stuttgart: Metzler, 1977. – 257 S.
14. Hellwig, E. Schillers Ende / E. Hellwig // Sächsische Landeszeitung, 1910. Folge 3–6.
15. Froriep, A. Der Schädel Friedrich von Schillers und des Dichters Begräbnisstätte / A. Froriep. – Leipzig: Barth, 1913. – 200 S.
16. Ludendorff von, M. Der ungesühnte Frevel an Luther, Lessing, Mozart und Schiller. Ein Beitrag zur Deutschen Kulturgeschichte / M. von Ludendorff. – München: Ludendorffs Verlag, 1931. – 154 S.

17. Hecker, M. Schillers Tod und Bestattung // M. Hecker. – Leipzig: Insel-Verlag, 1935. – 367 S.
18. Ruppelt, G. Schiller im nationalsozialistischen Deutschland: Der Versuch einer Gleichschaltung / G. Ruppelt. – Stuttgart: Metzler, 1979. – 250 S.
19. Rexin, M. Tendenzen der Außenpolitik / M. Rexin // Nach 25 Jahren. Eine Deutschland-Bilanz; hrsg. von Bracher Karl Ditrach. – München: Kindler. 1970. – S. 43–61.
20. Adam, A. Das Bundesministerium für innerdeutsche Beziehungen / A. Adam. – Bonn: Boldt, 1971. – 104 S.
21. Die deutsche Nation: Aussagen von Bismark bis Honecker / C. C. Schweizer. Köln: Wissenschaft und Politik, 1979. – 621 S.
22. Die Bemühungen der deutschen Regierung und ihrer Verbündeten um die Einheit Deutschlands 1955–1966 / Auswärtiges Amt. – Bonn: Bundesdruckerei, 1966. – 79 S.
23. Zum 150. Todestag Friedrich Schiller am 9 Mai 1955 / Dokumente der SEDP. Beschlüsse und Erklärungen des Zentralkomitees, sowie seines Politbüros und seines Sekretariats. – Bd.V. – Berlin, 1956.
24. Becher, J. Denn er ist unser: Friedrich Schiller der Dichter der Freiheit / J. Becher // Schiller in unserer Zeit. Beiträge zum Schillerjahr 1955; hrsg. von Schiller-Komitee. – Weimar: Aufbau, 1955. – 32 S.
25. Oellers, N. Schiller. Elend der Geschichte, Glanz der Kunst / N. Oeller. – Stuttgart: P. Reclam, 2005. – 520 S.
26. Fikentscher, H. Zur Ermordung Friedrich Schillers. Der heutige Stand der Forschung über Friedrich Schillers sterbliche Reste und die Ursachen seines Todes / H. Fikentscher. – Viöl: Verlag für ganzheitliche Forschung, 2000. – 348 S.
27. Braun, P. Schiller, Tod und Teufel. Rede des Herrn von G. vor einem Totenschädel / P. Braun. – Düsseldorf: Artemis & Winkler, 2005. – 96 S.
28. Grünwald, Z.-J. Sind Klassiker etwa nicht antiquiert? / Z.-J. Grünwald // Diskussion Deutsch. Zeitschrift für Deutschlehrer aller Schulformen in Ausbildung und Praxis. – Jg. 1. – Frankfurt: Diesterweg, 1970. – S. 16–31.
29. Friedrich, H. Vom Gegenglück des Geistes. Zeit und Zeitgenossen / H. Friedrich. – München: Verlagsgesellschaft, 2002. – S. 259–280.